
Арбен Кардаш
ОСКОЛОК ШАЛБУЗДАГА
ОСКОЛОК ШАЛБУЗДАГА
Арбен Кардаш

Арбен Кардаш

Осколок Шалбуздага

Стихи и легенда

Перевод с лезгинского
Евгения Чеканова

Издательство «Мавел»
Махачкала – 2026

ББК84 (2-Лезг.)-44
УДК 821.351
К-21

Кардаш А.
К-21 Осколок Шалбуздага: Стихи и легенда. / Пер. с лезг. Махачкала: издательство «Мавел», 2026. – 152 с.

Стихи народного поэта Дагестана Арбена Кардаша, переведённые на русский язык известным поэтом Евгением Чекановым, сохраняют самобытный колорит лезгинской культуры и в то же время становятся понятны широкому кругу читателей. В лирике Кардаша соседствуют светлая радость и горькая печаль, философские раздумья о добре и зле, о судьбе и предназначении и предельно искренние эмоции, идущие из глубины души. Особое место в книге занимают мотивы памяти предков, духовного наследия и стремления к светлым истокам жизни. Сборник завершает легенда «Череп», которая органично вплетается в общую канву и позволяет еще глубже погрузиться в мир традиций и ценностей древнего народа.

К 4702380202 – 2 / М 123-2026 2026

ISBN 978-5-297-01822-8

© Кардаш А., стихи, 2026
© Чеканов Е, перевод, 2026
© Издательство «Мавел», 2026

МОЛИТВА

Заботливый Всевышний,
Мой век мне подаривший!
Тебя я называю,
К Тебе сейчас взываю.
Ты хлеб даешь народу,
Всем тем, кто жаждет – воду,
Одежду – голым… Боже,
Меня послушай тоже!

Всем тем, кто злы и жадны,
Чьи очи беспощадны,
Сердца тесны и смрадны,
А души неопрятны,
Всем тем, чьи клятвы лживы,
Чьи языки болтливы,
Чьи губы нечестивы,
А помыслы блудливы, –
Пошли упрек колючий,
Скажи о каре жгучей
И отведи им сроки
Избыть свои пороки.

Творец! Мы все в поклоне
Едим с Твоей ладони,
Свой шмат кусая с краю.
И я, Твой раб, мечтаю
О трапезе обильной…
Так донеси же, Сильный,
Слова простые эти
До всех людей на свете!

Всем тем, чьи чувства чисты,
Чьи думы бескорыстны,
Чьи горести ветвисты,
А пряди серебристы,
Чьи звезды тьмою смыты,
Чьи сны тоской повиты,
Чьи руки в кровь избиты
И чьи пути закрыты, –
Пошли немного света,
Взмахни рукой привета!
Дай крылья им для взлёта
И счастья для полёта!

2002

ЗАКАТ В ПУСТЫНЕ

Исчезла граница земли на краю,
Где кровью алел остывающий жар.
И я ощутил, что на шаре стою,
На шаре, смотрящем на солнечный шар.

Но скрылось и солнце. Осталась заря,
И долго горела она, кровянясь…
И вот что постиг я, на это смотря:
У солнца с землею есть кровная связь.

Туркменистан, 13.08.1985

ЭЙ, ВЫ…

Эй, вы, сожравшие весь мир
И продолжающие пир!
Людьми вы числите себя?
Богами? О себе трубя,
Что вы узнали в суете
Средь ваших чеков и деньжат
Про те счета, про банки те,
Где чистоту сердец хранят?
Вам и поныне невдомек,
Кто безутешней в этот век?
Ведь это я, живой упрек!
Я, человек! Я, человек!

Доколь тащить мне на спине
Скорбей и бед излишний вес?
Не чересчур ли тяжек мне
Груз откровений и чудес?
Я небом сшит на свой покрой:
Не Бог, не царь и не герой,
Не жалкий червь и не тростник,
К биенью сердца я привык,

Намус[1] и веру чтить привык,
Со мной душа моя навек,
Со мной – уста, со мной – язык.
Я – человек, я – человек!

Я должен жить, как живность вся,
Душой своей плодонося,
Жить, как пчела, как муравей…
Но нет людей меня мертвей.
Нет спроса на мои труды
У родины. Расклад таков,
Что все мы в лапах у беды,
И нет для подлости замков.
Купить и Бога самого
Готовы вы… Но ваш набег
Отринет Он. Вот речь Его:
– Я – человек! Я – человек!

21.12.2004

[1] *Намус* – триединство чести, совести и достоинства.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Новый тост – из новых уст.
Есть у каждого свой вкус,
Мой – бесхитростный совсем:
Солнца и здоровья всем!

Гору свадебных затей!
Город новеньких детей!
Кто ж не выпьет? Наливай
И до донца выпивай!

Встаньте все, кому не лень,
И восславьте этот день.
Пусть оставшиеся дни
Будут этому сродни!

Ду́ствал, са́двал![2] Пусть текут
Только мед и масло тут!
То, что выпил – позабудь,
Выпей снова! Шире грудь!

[2] *Дуствал, садвал* – дружба, единство.

Года старого хурджин[3]
В новый год войдет один,
Полный старого вина…
Значит, надо пить до дна!

Пусть растет доход страны,
Пусть не будем мы бедны,
Пусть пойдут дела на лад.
Выпей с нами, милый брат!

Новый год – пора надежд,
Все сомненья – для невежд!
Там, где добрые мечты,
Будет вдоволь доброты!

Честь и совесть сохраним,
Этикет прибавим к ним!
Пусть бокалов наших звон
К небу мчит со всех сторон!

Тост – молитва. Мой бокал
Только жару ей придал.

[3] *Хурджин* – переметная сумка.

Я молюсь за каждый дом,
Возвеличенный трудом!

Да склонимся мы в мольбах,
Да услышит нас Аллах!
Пейте! Кто вина не пьет,
Воду в рот пускай нальет!

31.12.2004

МАЛЬЧИК У ОКНА

Густой туман стоит с утра
В ауле... Вот причина,
Что не видна в окне гора
И не видна долина.

Мальчишка хмур. Отец и мать
Давно уж на работе,
А он оставлен тосковать
В родной полудремоте.

Мир виден лишь в одном окне –
На голубом экране.
Но там всё вязнет в болтовне,
Как в медленном тумане.

Там, в череде смертей и бед,
День тонет, пуст и зыбок...
Неужто в мире больше нет
Ни солнца, ни улыбок?

Но вот тумана блеклый дым
Скрывается лениво.
Окно открыв, стоит пред ним,
Мальчишка... Как красиво!

Гора открылась, а за ней –
Заросшие отроги.
Эгей! Долины зеленей
Не дарят миру боги!

Здесь так высок орлов полет,
Здесь чист родник певучий,
А зов свирели в мир несет
Три тысячи созвучий.

Здесь люди, горы и леса
Горды своим союзом,
И вечно рады небеса
Священным этим узам.

«Как хорошо в родных краях!
А там, за перевалом –
Жизнь пропадает в городах
Во мраке одичалом.

Но отчего ж туда уже
Уехали все братья?
Неужто им не по душе
Родимых гор объятья?»

Полна вопросов голова.
В душе мечты кружатся...
Душа, ты грезами жива?
Что ж, пусть они свершатся.

И я когда-то из окна
Глядел с тоской. А ныне
Вся грудь моя тоски полна
По брошенной долине.

Однажды я в тот мир шагнул,
Что видел на экране.
А вот теперь тропу в аул
Ищу в густом тумане.

Поймут ли те, кого здесь нет, –
Нас, жертв самообмана,
Принявших чистый отчий свет
За блеклый дым тумана?

2006

НОЧНОЕ НЕБО

Смотря в ночное небо,
Ты звезды не считай.
Смотря в ночное небо,
Всю боль ему отдай.

И тут же Вседержитель,
Приблизившись к тебе,
Сойдет в твою обитель,
К твоей ночной мольбе.

Расставшись с вечной болью,
Взойдет твоя звезда,
И ты с ночной юдолью
Сольешься навсегда.

Частицей Всеблагого
Ты станешь, засияв
Для племени другого,
Бредущего впотьмах.

2006

***

Сквозь мрак ночной, сквозь сон,
сквозь боль
Поймешь, так или этак:
«Какое счастье – стих любой
Писать, как напоследок!»

Когда ж поймешь, что боль твоя
Уйдет под новым небом,
Шепнешь Всевышнему: «А я
Ведь на Земле и не был…»

2006

***

Снег будет сыпать за окном,
Баюкать мир постельный,
И я забудусь белым сном
Под тишь той колыбельной.

И, уходя тропой чудес,
Услышу голос снега:
– Скорей сюда, в края небес,
Тут счастие, тут нега!

Что снегу, нежному, как мать,
Ответить мне упрямо?
Как я могу ей отказать –
Той стороне, где мама?

И я назад не поверну
С глухой тропы метельной.
Пойду, навек поверив сну,
В покой той колыбельной...

В сияньи утренних лучей
Жена взгрустнет немножко,
На голове найдя моей
Снег, шедший за окошком.

2006

***

Как панцирь, кожа. Дни мои
О камень тёрлись, жизнь моя!
Я о народе плакал – и
Ослеп на оба глаза я.

Каких толчков, каких затей
Не испытал я на веку!
О, век обвалов и смертей,
Ты всех нас погрузил в тоску!

Я говорю себе: «Певец,
Как ты вмещаешь эту боль?
Тебя колотит мир-кузнец
И терпишь ты удар любой…»

И отвечаю сам себе:
«Бегу, чтоб сбросить этот груз!
В краю отцов, в моей судьбе
Есть место у горы Шалбуз[4].

[4] *Шалбуз* (Шалбуздаг) – гора в Южном Дагестане, у подножия которой расположено родное село автора – Микрах.

Там, где Большая мчит река,
В реку Срединную стремясь,
Вой мира, времени тоска
С моей душой теряют связь.

Там оба глаза у меня
Прекрасно видят. В уши слух
Приходит вновь. Печаль гоня,
Грудь наполняет бодрый дух.

И плачу там я, и смеюсь,
Как в детстве… Там над головой
Орел клекочет: «Эй, не трусь!
Ты здесь останешься живой!»

2006

МАКОВЫЙ ЛУГ

В родных горах, на маковом лугу
Лежу – и наглядеться не могу
На небеса... Как кадры, крутит Бог
Мне годы те, что я забыть не смог.
Вот мама в белой шали – молода,
Улыбчива, нисколько не седа,
И ткет ковер... А я свой первый стих
Тогда пытался ткать из слов родных!
Вот бабушка печет хлебы в печи,
А от хлебов – горячие лучи...
Я помню, как в груди была жарка
Любая испеченная строка!
Катились вёсны первые мои,
Как бусинки. И, словно в забытьи,
Я их считал, пока не понял вдруг,
Что жизнь – не бусы. Жизнь – альпийский луг!
Когда я оставлял родной порог,
Кричали горы: «Не ходи, сынок!»
Но я не слышал. И не видел, нет,
Как маков цвет качнулся мне вослед.
Альпийский луг, не сетуй, не сердись.
Как лепесток, моя мелькнула жизнь,
А счастья нет... О, маков луг, постой!
Не облетай с такою быстротой!

2007

***

Устройство мира нехитро:
Зла стало больше на земле.
Дрожит на холоде Добро,
Кот Зла разнежился в тепле.

Иссякли силы у Добра,
Угас его сердечный дух.
Родник Добра журчал вчера,
А нынче откровенно сух.

И Зло смакует свой успех
И не глядят ни на кого.
Оно теперь пример для всех,
И все богатства – у него.

Добро же, скрючив шею, прёт,
Покорно став слугою Зла,
Груз тяжких горестей-забот…
Как быть? Такая жизнь пришла!

– Еще потерпишь? – Зло язвит.
И говорит Добро сквозь грусть:
– Нет у меня на жизнь обид,
Пока я тут Добром зовусь.

2007

***

Простерлась трасса впереди,
Даря колесам скорость.
И песня рвется из груди,
Весенне раззадорясь.

Пылает солнце в далях лет,
Всевышним разогрето.
О, как изящно создан свет!
Слепой заметит это.

Весь мир наш трассой поделен:
Здесь – горы, там – равнина.
А человек? Меж ними он,
Той трассы сердцевина.

Гляди! Равнина зелена,
Нежны ее одежды,
И вся в цвету она сполна.
А горы – белоснежны.

Над миром – Бог, под ним – простор
И человек из страсти,
Из весен, зим, равнин и гор…
И путь его – на трассе.

2007

ЗИМА В КУРАХЕ

Весь лишний снег небесные просторы
В Курах-дере[5] насыпали нам снова.
Мороз-бродяга выбрал все узоры
Для гобелена белого земного.

И вот теперь всё то, что есть в долине,
Дома, деревья, склоны и дороги –
Белым-бело. Весь мир сияет ныне
Безгрешной белизною недотроги.

Лишь дым из труб струится, не кончаясь…
И кажется, пусть это и нелепо,
Что вся земля висит сейчас, качаясь
На ниточках дымков, идущих в небо.

А в синеве над стынущим простором,
Где граб хранит иззябнувшее тело,
Сидит на белой кроне черный ворон…
Увы, не всё на свете побелело.

2007

---

[5] *Курах-дере* – Курахская долина.

***

Сад облетел. Из-за стволов
Бросает свет луна мне.
Прозрачна ночь. Сквозь тени слов
Печаль моя видна мне.

Я не скажу: «Вернись ко мне,
Сиянье дорогое!»,
Я не скажу: «Приди в огне!»,
Скажу совсем другое:

«Светильник сердца был разбит
И брошен у калитки.
Луны и сада грустный вид –
Вот все мои пожитки».

2007

***

Моему другу
Гаджи Ильясову

В Испик[6] ты воротился,
К земле родной прибился.
Ты прав. Щедра Отчизна
К тем, кто в нее влюбился.

Мать, что очаг хранила,
Полна былого пыла:
– Афары[7] из крапивы
Я в печку посадила!

А ты, с лицом влюбленным
И сердцем окрыленным,
То у ручья гуляешь,
То по лугам зеленым.

[6] *Испик* – название лезгинского села.
[7] *Афары* – тонкие пироги из трав.

Ты прав. Лишь дали эти
И есть у нас на свете.
Лишь тут мы вспоминаем
О небе и завете.

Лишь тут, в глазах Отчизны,
Свои мы судим жизни.
Коль мы чисты пред нею –
Нет в сердце укоризны.

Тут собеседник каждый –
Эмин[8]. Коль смерть однажды
Мы встретим – смерть тут будет
Нам сладкой, а не страшной!

2007

[8] *Эмин* – Етим Эмин (1840 – 1880) – великий лезгинский поэт.

***

Сколь правы те восточные поэты,
Что вместо «Бог» писали в страстный миг
«Любимая»... Кто дал Любви обеты,
Тот истину, конечно же, постиг.

Иль не Любовь душою милосердной
Твои грехи забвенью предает?
Иль не она с решимостью бессмертной
За годом год ведет тебя вперед?

Та, чье вниманье чутко и нелживо,
Чей мягкий взор поистине всеблаг
И полон ласки... Та, кто терпеливо
Хранит от бурь твой дом и твой очаг,

Кто знает правду дум твоих полночных
И видит суть затей твоих до дна...
Иль не она – страстей твоих источник,
Твоих желаний, – кто, как не она?

Но за черту в пылу своих метаний
Не заходи, о промахе скорбя:
Она не будет слушать покаяний,
Она тебя прогонит от себя!

Жизнь станет адом, где клубятся тени,
Огнем займутся небо и земля.
И станешь ты пред милой на колени,
Смиренно о прощении моля.

Она заметит с миной горделивой:
«Пусть Бог простит всю боль моих обид!
Молись Ему!» – Но скажет Справедливый:
«Пускай тебя любимая простит!»

Так, надвое разбив сердечный стон,
И будешь ты стоять во мгле времён.

2007

МАЛЬЧИШКА, ЧИТАЮЩИЙ ВСЛУХ

Далекие горы. Село.
Мальчишка, читающий вслух.
В словах ему плыть тяжело,
И всё же плывет во весь дух.

Глубин не боится малец:
Хоть буквы темны, высоки,
Бесстрашно ныряет пловец
В бурлящие волны строки.

На крыше лачуги родной
Читает он вслух день за днем.
И горы полны тишиной,
Задумавшей что-то о нем.

Молчат они, мудрость тая
В морщинах высокой души.
И вечная синь бытия
Глядит на мальчишку в тиши.

И люди не тратят словес,
Стирая улыбку с лица.
Не слышен им голос небес
В ребяческой речи чтеца.

Не ведают люди, что он
Без гордости и похвальбы
Готовится к волнам времен,
К урокам грядущей судьбы.

2008

МОЕМУ ДРУГУ АЗИЗУ МИРЗАБЕКОВУ В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ

Друг за спиной – что горный кряж, мой дорогой.
Казанфар Зульфукаров[9]

Тебе полста? На вид не дашь, мой друг Азиз.
И всё ж полста – немалый стаж, мой друг Азиз.

Начало – в детстве: сельский быт, луга, цветы...
Остался в сердце тот пейзаж, мой друг Азиз!

А юность вылилась в стихи, в порыв души.
Его не купишь, не продашь, мой друг Азиз.

Как в возраст Исы ты вошел, мир очумел
И превратился в ералаш, мой друг Азиз.

Но чести ты не изменил – до сей поры
Ты Правды бескорыстный страж, мой друг Азиз.

---

[9] *Казанфар Зульфукаров* – лезгинский поэт XIX века, составитель первой лезгинской азбуки на основе кириллического алфавита, созданного П.К. Усларом, друг Етима Эмина.

К вершине мудрости придя, мы чтим лета
Не самой тяжкой из поклаж, мой друг Азиз.

Дарить красавице Тарих[10] за годом год –
Давно уже обычай наш, мой друг Азиз.

Иль это взнос за пропуск в рай? А может, в ад?
Что ждет нас там, какой мираж, мой друг Азиз?

Ах, что ты там ни говори, жизнь – тоже рай!
Судьба – чудеснейший вояж, мой друг Азиз.

Так в путь скорей!.. Лети вперед – и воспаряй
Над самой пенистой из чаш, мой друг Азиз!

И на девиц свой взгляд бросай хоть раз в году:
Еще не вышел ты в тираж, мой друг Азиз.

А на столетие твое пусть грянет пир,
Где тамадой – Арбен Кардаш, мой друг Азиз!

10.11.2009

---

[10] *Тарих* – история.

ТЕРПИ, КОЗА...

Не умирай, коза, придет весна, и ты поешь травы.

Лезгинская поговорка

Терпи, коза, придет весна,
Трава взойдет опять,
Сыта ты станешь и тучна.
Не надо умирать!

Другой такой козы у нас
И не было, и нет.
Кто, как не ты, детишек спас
Во тьме голодных лет?

Но вот с хозяином – беда:
Ослаб и спал с лица,
И для тебя на холода
Не приберег сенца.

Считал, что выживешь сама
Во мраке нищеты.
Но лютою была зима –
И отощала ты.

Глаза потухли, хвост поник,
Невеселы дела.
И пала ты... И в тот же миг
В пословицу вошла.

Когда посулы раздают,
Вбок отводя глаза,
Лезгин всегда прибавит тут:
«Да-да, терпи, коза...»

Но ты ведь знаешь и сама
Суть истины одной:
Кто на посулы щедр весьма –
Не властен над весной.

Твоим терпеньем жив народ.
Вдобавок, знаем мы:
Порою с неба солнце льет
И посреди зимы.

Терпи, коза, придет весна,
Трава взойдет опять,
Сыта ты станешь и тучна.
Не надо умирать!

2009

НИЗАМИ

Храм Низами... Средь строф его чудесных
Я долго жил без пищи и воды,
Как пылкий дервиш. И в прекрасных песнях
Опять узрел алпанские[11] следы.

За грубой штукатуркой переводов
Я различил цвета родных знамен,
Огонь и дым воинственных походов,
Лезгинский строй исчезнувших имен.

Пускай легла персидская овчина
На наш суровый горский матерьял,
Но Низами писал пером лезгина,
Лезгинскими чернилами писал!

И он – чужой? Поныне горько тужим,
Как Шарвили, куда-то девший меч,
О самой яркой из земных жемчужин,
Которых не сумели мы сберечь.

2009

---

[11] *Алпан* – Кавказская Албания, государство народов лезгинской языковой группы, просуществовавшее 1200 лет (V в.д.н.э. – VIII в.н.э.).

***

Когда Творец язык давал лезгинам,
Дать много слов Он счел затеей лишней,
Хоть был народ великим и единым.

И лишь теперь я понял, что Всевышний
Подумал так: «Земля их столь красива,
Что слов не нужно для такого дива».

2010

ЧУДЕСНЫЙ СОН

Как-то снился мне, мой друг,
Длинный сон чудной:
Две отчизны стали вдруг
Родиной одной.

Совесть двух соседних стран
Сбросила обман –
И явился Лезгистан,
Древний наш Алпан.

Нет границы плутовской
И двойных культур.
Серединною рекой
Снова стал Самур.

Не Дербент уже, а Цал,
Не Партав – Харум[12].

[12] Город Дербент издревле носил у лезгин название «Цал» (лезг. «стена»). Партав – одно из названий древнего города Барда (Берда), столицы Кавказской Албании; автор полагает, что прежде этот населенный пункт (ныне

Кремль кивнул, Баку смолчал.
Все взялись за ум.

Мост, что звали «золотым»,
Всенародным стал.
И, вскипев, прошел под ним
Слёз счастливых вал.

Как хозяин и как страж,
У земель и вод
Встал народ лезгинский наш,
Коренной народ.

Вот так чудо из чудес!
Видно, некий знак...
Или это шутит бес?
Нет, и вправду так:

находящийся на территории Азербайджана) носил название Харум. Некоторые основания думать так дают известные строки из поэмы Низами «Повествование о Нушабе»: «Этот край прозывался Харумом, потом был Бердою учителем назван...».

Все хакимы[13] говорят
Языком родным.
И ученых длинный ряд
Дружно вторит им.

Кто зевок носил в душе,
Заорал: «Друзья!
Полегчало вам уже?
Это сделал я!»

Всякий, кто давно хотел
Президентом стать,
Начал в грудь, нежданно смел,
Кулаком стучать.

Этот деньги раздает,
Тот твердит, что прав...
Агитируют народ,
Совесть потеряв.

[13] *Хаким* – глава местной администрации, наместник, чиновник.

Но кричат им люди с гор,
Смеха не тая:
«Где ж вы были до сих пор,
Горе-сыновья?»

Есть у нас и Шарвили[14],
И Хаджи-Давуд[15].
Мы давно уж их ввели
В президенты тут.

Кто премьер у нас? Шахдаг,
Иль Базардюзи!
Каждый – доблестный вожак,
Хоть кого спроси.

А имамом будет пусть
Та Шалбуз-гора,
Чьи святыни гонят грусть
С каждого двора.

---

[14] *Шарвили* – герой лезгинского эпоса.

[15] *Хаджи-Давуд Мюшкюрский* – национальный герой лезгинского народа, живший в XVII-XVIII вв., имам Ширвана.

Ну, и спикер на века
Будет пусть один –
Серединная река,
Лучший друг лезгин!»

Разбежались болтуны,
Разбрелись вокруг...
И в объятиях жены
Я проснулся вдруг.

Полон жажды бытия,
Счастьем окрылен,
Рассказал супруге я
Свой чудесный сон:

«Вот что я, по простоте,
Увидал во сне...
Но к чему виденья те?
Растолкуй-ка мне!»

И любимая жена
Вмиг дала ответ,
Словно вспомнила она
Золотой завет:

«Тот, кто спутал жизнь и сон,
Пусть досмотрит сны.
Те, кто делом увлечен –
Бодрствовать должны!»

2010

***

Полжизни я порастерял, как сон неясный.
Дней караван померк, отстал, как сон неясный.

Печали-радости мои, зной и ненастье
Жеребчик юный вдаль умчал, как сон неясный.

И, оглянувшись, я вдали лишь пыль заметил,
Но без конца и без начал, как сон неясный.

Ладонь легла мне на плечо: «Спустись на землю!
Неужто след твой слаб и мал, как сон неясный?»

«Хидир? Вахуф[16]? Ты кто, отец?» –
«Не различишь ты,
Мы для тебя сквозим средь скал,
как сон неясный.

---

[16] *Хидир* – персонаж Корана (Хызр, Хидр), помогающий путникам и спасающий их в бедах.

Вахуф – реальное лицо, жившее в Лезгистане в 20 веке, признанное святым. Его могила является местом паломничества для мусульман Дагестана.

Иди, Арбен Кардаш!.. Нельзя,
чтоб ты в сей жизни
С дороги сбился и пропал,
как сон неясный!»

2010

РАССВЕТ

Как сладок утренний рассвет для сонных глаз!
О, тихий час, отрадный час, блаженный час!

Всё в алом зареве вокруг, царит покой…
О чем же Солнце пишет мне лучом-строкой?

Прожив так долго на земле своих времен,
Я лишь теперь, в рассветный час всерьез смущен.

Ведь лишь юнцы вот так стоят, как я сейчас,
Перед сияньем милых глаз в свиданья час.

Звезд не видать, сошли в зарю, как мнится мне,
Чтоб суть свою преобразить в ее огне.

А вдруг и сердце у меня, нырнув туда,
Вмиг обновилось навсегда, как та звезда?

Молюсь тебе, рассветный час моей мечты,
Мне повезло, я понял то, что пишешь ты:

«Был груз минувшего тяжел – но он исчез.
Давай-ка лестницу готовь к лучам небес!»

2010

ПОЯСНЕНИЯ К БЕССМЫСЛИЦЕ

(Шутка)

На встрече со студентами мне задали вопрос: «Как бы вы истолковали строку Алексея Кручёных «Дыр, бул, щур, убещур»?». Я не был готов к ответу, но пообещал все-таки найти его. В своем стихотворении я выполняю это обещание.

Смыслы чует молва
Там, где с виду сумбур.
Не пустые слова –
«Дыр, бул, щур, убещур»!

Эти всходы всегда
Пусть лелеет ладонь:
В них земля и вода,
Небеса и огонь.

И наглядно весьма
Череда в них видна:
Лето, осень, зима
И, конечно, весна.

Неужель не понять? –
Можно в них прочитать
И любовь, и беду,
И восторг, и вражду.

И еще одну суть
Можно там зачерпнуть –
Ева там и Адам,
Каин с Авелем там.

Тьмы отвергнув искус,
Вносят четверо свет:
Моисей, Иисус,
Будда и Магомет…

В общем, ключик у вас.
Постарайтесь теперь
Прямо здесь и сейчас
Приоткрыть эту дверь.

2009. 2010

МИКРАХ[17]

Нельзя мне о тебе поведать вкратце,
Столь ты высок под куполом небесным.
Величить, суесловьем заниматься
Не стану я, а буду просто честным.

Родной Микрах!
Не стану я цепляться
За рифмы, подгоняя речь к размеру,
Но если сами явятся – пусть шире
Откроют мое сердце в этом мире.

Чтоб о тебе поговорить с тобою,
Не нужно слов изысканных и гладких,
Они должны быть грубы и весомы,
Как те громады, что от Шалбуздага
Однажды откололись –
Те громады,
Что красными прожилками покрыты,
Где кровь живая, кажется, струится.

---

[17] *Микрах* – родное село автора, расположено на восточном склоне горы Шалбуздаг.

Чтоб о тебе поговорить с тобою,
Нужны слова, что вьются, словно тропы,
Бегущие к вершинам Шалбуздага,
Чтобы в итоге радостно сомкнуться
У тех вершин сияющих, – подобно
Тем родниковым водам, что струятся
С его вершин, в одно желая слиться,
И радостно становятся в итоге
Бушующим потоком Чехи-ваца[18].

О, как хочу
В слова свои вложить я
Кристальность и прозрачность вод бегущих,
Чтоб утолить напор душевной жажды.
Но где же мне найти уменье это,
Когда эпохой проклят дар поэта?

Нет, я к тебе вернулся не со спесью, –
Мол, я поэт, – вернулся я сегодня,
Сбежав от беготни своей по жизни,
От суеты сует, покинув город,
Который я зачем-то называю

---

[18] *Чехи-вац* (Большая река) – река, протекающая вблизи села Микрах.

Родным своим, хотя родным не стал он –
Из крыл моих
Тащивший перья жадно,
Прядь лет густых
Сорвавший беспощадно.

Не жаловаться
Я к тебе вернулся,
Не на судьбу пенять, –
А чтоб насытить
Глаза свои твоей красой и высью,
А уши – гулким шумом Чехи-ваца:
Тот вечный шум –
Эпох немолчный голос,
И я давно понять его мечтаю.
Вернулся,
Чтоб насытить свою душу
Шалбуз-горы святым долготерпеньем,
Твоих просторов негой и томленьем,
Вернулся,
Чтоб просить прощенья кротко
У тех могил родных,
У душ родимых,
Чьим должником навеки я остался,
У пастбищ тех альпийских, не сравнимых
Ни с чем;

У дома, где мой род поднялся, –
Ведь дел гора
Нетронутой осталась,
Всё сделанное
Прахом оказалось,
Торговец-быт оставил только малость
Из бытия мне.
О, какая жалость,
Что время в кабалу ему попалось…
Гнездо мое!
Именье родовое!
Не подпускай сей подлый век и близко
К угодьям своим вечным!

Бездумно не впускай в свой храм высокий
Век, потерявший человечий образ,
Чтобы журчанье дали ясноокой
Не стало гнить, болоту уподобляясь.
Просторы эти, этот край заветный
Земли и неба,
Этот мир счастливый
Красы твоей закатной и рассветной,
Души твоей большой и совестливой
Лишь для того
Творец однажды с*о*здал,

Чтобы Он мог
В какой-то час нетленный
Сюда сойти походкой грациозной
И погрузиться в думы о Вселенной.
Он сядет тайно
Там, где вод журчанье.
Какой родник Ему по вкусу больше –
Чандар, Марвар? А может, Он пройдется
До озера Сюрме?
А может, ступит
На Сув, на Йиг[19] своей стопой незримой?
Посмотрит на лезгинские селенья,
Увидит все лезгинские раненья
И, покачав от боли головою,
Погладит луг ладонью ветровою…

Оставлю я стихи эти на тропке,
Где Он пойдет,
Микрах мой,
Мой Микрах.

2010

---

[19] *Сув, Йиг* – высокие альпийские луга над Микрахом.

ПУШКАРИ[20]

Когда весь мир погряз во тьме уродства,
Лишь пушкарей нам славить остается.

Когда мулла хитрит, подобно вору,
А хитрый вор творит, что вору впору,

Когда невежда мнит себя ученым,
А негодяй – кумиром золоченым,

Когда башмачник слыть врачом стремится,
Когда козел столетний молодится,

Когда пастух вещает, как правитель,
Когда в паяца превращен учитель,

Когда в герои прёт делец чванливый,
И за решеткой гибнет совестливый,

[20] Пушкарями лезгины называют врунов и хвастунов.

И правосудья нету в мире целом, –
Мы пушкарям поверим, дымоделам!

В любых местах, какие есть на свете,
Приличья соблюдают шельмы эти:

Хоть правды не видать в завесах дыма,
Всегда гремит их речь неутомимо

И мечутся огни в тирадах страстных,
Как факелы в ночной лезгинский праздник,

Коль здравый смысл желаете сберечь вы
И душу не убить громовой речью,

То слушайте их молча. Мир грохочет,
Зима весною притвориться хочет,

И пушкари с пустышками своими
Всегда в седле – и в кресле, и на киме[21].

---

[21] *Ким* – место в селе, где в свободное от работы время собираются мужчины; площадь для собраний.

Всегда добры их гулкие известья,
Всегда теплы их речи… Всё на месте.

Да не устанут слушать ваши уши
Всех тех, кто дымом греет ваши души!

2010

***

Эпохи этой ложь и грязь,
И бед напасть, и дряни власть
Давно в сердца проникли к нам
И чуть не нормой стали там.

Кто черным белое зовет,
Тот мудрецом у нас слывет.
Мы лжем, как дышим. Попран стыд,
И жизнь сама уже горчит.

Эй, люди, для чего нам ложь?
Ведь правда – как весенний дождь
Для всех, кто жив. А дрянь эпох
Увянет, как чертополох!

2012

***

В усталом теле без корней
Вниманья нету к ходу дней,
Но сердце живо. Как ни бди,
Опять горит оно в груди…
Ошиблось? Иль ему видней?

И с улицы, ему под стать,
Щебечут ласточки опять.
Уж не смеются ль надо мной,
Над маетой моей грудной?
Иль им, счастливым, лучше знать?

Кто скажет миру о весне,
Опять влетевшей в грудь ко мне?
О, небеса! Сто сцен судьбы
Спешат сыграть твои рабы
В неразрушимой тишине…

2012

***

Любовных строк неистовую стаю
Ты не увидишь – нет надежд на счастье.
Пред зеркалом порой я их читаю
И усмехаюсь: «Спятил ты от страсти».

Ну да, я спятил. Я пустил на волю
Конягу без подков. Объятый бегом,
Я породил седою головою
Осенний луг, расцветший перед снегом.

Об этом не узнаешь никогда ты,
Пройдешь своей походкою невинной
Мимо меня… Но облик твой крылатый
Разгладит в моем сердце все морщины.

Не стану о несбывшемся жалеть я,
Не стану ни о чем мечтать некстати.
Возьми что хочешь за мгновенья эти,
Ведь небеса пожадничали дать их.

Когда в моей груди щебечет птица,
Я прочь ее гоню… Но птица страсти
Незримо на плечо твое садится
И там сидит, как сбывшееся счастье.

2012

ПОЭТ

В толпе людской, одетый по сезону,
В базарной гуще деловых и праздных
Идет чужак. По смеху и по стону
Его не отличить от прочих разных.

Для всех идущих мимо – он такой же
Мураш, червяк, желающий согреться.
И лишь на небесах известно больше,
Иль в глубине его земного сердца.

В года, уже забытые, бывало,
Над этим миром он витал, как птица,
И жаркой речью воздух согревал он,
Сердца уставших заставляя биться.

Идущий век ему подрезал крылья,
Но в сердце у него гнездятся строки,
Способные без всякого насилья
Лечить земные язвы и пороки.

Когда кругом – бесстыдство и уродство,
Лишь он один найти способен силы,

Чтобы вернуть и честь, и благородство,
Чтобы спасти Отчизну от могилы.

Зовут его – Поэт. Он духа стержень,
Побочный сын небес, избранник Слова.
Пусть он унижен ныне и отвержен,
Но этот падший мир спасет он снова.

2012

***

О, стихи, стихи! Вы простите мне:
Не внимал я вам, хоть и слышал вас,
Слышал в сердце стук… Изнутри? Извне?
И сказал вам: «Прочь! Слишком поздний час!»

Ибо думал я: ну, кому нужны
Вы теперь, когда слово вполцены,
Когда копоть лжи скрыла правды свет?
Ни влеченья к вам, ни нужды в вас нет.

Я боялся, что ваш ранимый вид
Раззадорит тьму чьих-то жестких глаз,
Я боялся, что кто-то рот скривит,
Кто-то нож возьмет и поранит вас.

Я хотел, чтоб вы оставались там,
Где небесный свет не открыт устам,
До тех пор, пока не придет весна
И в сердца людей не войдет она.

Но не стали вы исчезать во сне,
Стали падать вдруг прямо в сердце мне,
Как плоды с ветвей… И ночная тьма
Пробудилась вдруг, задрожав сама.

И сказали вы: «Пробудись, поэт!
Заглушить наш стук ты не волен, нет!
Мы нужны сейчас! Подставляй тетрадь,
Не ленись хватать, успевай собрать!

Не боимся мы ни надменных ртов,
Ни жестоких глаз, ни брехни шутов,
Ни камней-обид, ни камней-сердец.
Коль эпоха – ложь, значит, ей конец!»

И сказал я вам: «О, стихи, стихи!
Вы простите мне все мои грехи!
Я услышал вас, я писать готов,
Лишь хватило б мне дорогих листов!»

2013

***

Курбану Акимову,
автору романа о Кемер Микрахской[22]

О, как прекрасен отчий край
Кемер Микрахской!
Луга и небо – это край Кемер Микрахской!

Я слышу, как она поет над пашней майской,
Я слышу, как она поет в долине райской.

Среди цветов я вижу тень ее улыбки,
С холмов звучит мне саз ее, живой и зыбкий.

И в родниках Шалбуз-горы, в ее озерах
Мне кто-то плачет о любви и гордых взорах.

Я вижу, как по ребрам скал сочится влага
Из безотрадных облаков у Ярудага.

---

[22] *Кемер Микрахская* – лезгинская поэтесса, исполнительница народных песен и сказаний XV в. Родом из села Микрах.

Искрят, столкнувшись, валуны
в потоке рваном…
Иль это песни, что Кемер спеть
не смогла нам?

Сквозь теплый мрамор здешних гор,
нежны и юны,
Струятся пальцы в грудь мою –
и щиплют струны.

– Эй, не молчи, поэт! Нужны слова поэта! –
Кричит Микрахская Кемер. Я слышу это.

2013

***

Марианне Беерле-Моор,
швейцарскому исследователю
лезгинского языка

Какое счастье, если в море лет
Полно жемчужин… Видим мы их свет!

Он с твоего высокого чела
Сияет нам – и пропадает мгла.

Сестра и друг, Майрам! Сиянье глаз,
Писанье, зазвучавшее для нас!

Звучи и впредь! Пусть даст тебе Аллах
Здоровья, счастья, сил в твоих трудах.

В день Ангела прими от нас сейчас
Поток любви, что льет из наших глаз.

Коль воду фраз нальем мы заодно,
Прими ее за старое вино!

14 сентября 2013 года

***

Подруга-осень! Твой приход
Ошеломил родную тишь:
Ты вся из солнца в этот год
И позолотою горишь.

Небес высоких синева
К земле прижалась, как во сне.
Мазки цветного волшебства
Пылают рядом – и во мне.

Пускай ветра грядущих дней
Тебя разденут догола,
Но ты уже душе моей
Свое наследье отдала.

И я хочу, тебе под стать,
Гореть, пылать во весь накал.
Я, если б завтра умирать,
Горстями б радость раздавал!

2013

ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО

Абдулрашиду Рашидову

В селенье горном, в доме у поэта
Стоял лимон у светлого оконца
И зеленел. Краса земная эта
В судьбу поэта добавляла солнца.

Лучились листья нежно, шло сиянье
От розовато-пурпурных бутонов.
Как первый лекарь в нашем мирозданье,
Лечил все боли лучший из лимонов.

Его плоды, у яблок из Ахцаха[23]
Похитив славу, вспыхивали сочно,
Как лампочки веселые, без страха
Тьму прогоняя новогодней ночью.

Всю зиму это деревце хранило
В своих ветвях весны и лета ноты.
И брал поэт, что сердцу было мило,
В созвучьях этих для своей работы.

---

[23] *Ахцах* – так жители села Ахты называют свой аул, славящийся яблоневыми садами.

Но как-то раз домашние решили
Лимон подвинуть, – делая, как лучше, –
К окну побольше. Думали-рядили,
Что деревце обрадуется тут же.

Но так не вышло. Деревце живое
Цвести и пахнуть вскоре перестало
И прекратило радовать листвою.
А лампочек веселых стало мало.

Хозяин тронул веточки резные:
– Ты – как поэт! Душою бескорыстной
Однажды полюбив места родные,
Ты мест других не назовешь отчизной.

2014

***

В людские глаза не желаю глядеть я:
В иных – лишь обида на жизнь, что жестока.
А чем помогу я во тьме лихолетья?
И хочется в землю уйти раньше срока.

В людские глаза мне глядеть не под силу:
В иных – только злоба, что скрыта искусно,
Желанье свести поскорее в могилу
Тебя, твою честь, твои чистые чувства.

Но будет ли толк, если всё ж притерпеться
И боль затаить в своем сердце навечно?
Гордыню таить в разобиженном сердце
Бессмысленно будет и бесчеловечно.

Оставим же для человечности место
В душе своей вечной, истерзанной веком.
Ведь будет на родине жизнь расчудесна,
Коль каждый из нас будет жить человеком!

2014

ЯРАН-СУВАР[24]

Праздник мартовского дня –
Наш Яран-Сувар.
Праздник яркого огня –
Наш Яран-Сувар.
Ночью факелы горят,
Освещая двор.
Наш обычай, наш обряд –
Разжигать костер.

П р и п е в:

Нам предки завещали
Весною жечь печали.
Поэтому над нами
Теперь порхает пламя!
Пускай утонут в море
Болезни, грязь и горе!
Эй, сони, не пугайтесь,
От спячки просыпайтесь!

---

[24] *Яран-Сувар* (Праздник весны) – лезгинский народный праздник, который отмечается во время весеннего равноденствия в ночь с 21 на 22 марта.

Пусть чистое пылает,
А грязное сгорает!
Пускай приходят счастье,
Здоровье и согласье!
Да сгинут все болячки!
Восстаньте же от спячки!
Сердца, не расставайтесь,
Для счастья пробуждайтесь!

В эту ночь у нас, лезгин –
Смех и толкотня.
Все лезгины, как один,
Встанут у огня.
Прыгнут все через костер
Прежней суеты –
И откроется простор,
Сбудутся мечты!

Зов веков тебя зовет,
Молод ты иль стар,
Празднуй с нами каждый год
Наш Яран-Сувар!
Нестареющий завет
И веков родство,
И Отчизны нашей свет…
Береги его!

22.03.2016

СВИРЕЛЬ

В многоэтажке, на чужом балконе
Вдруг зазвучали трепетные трели,
И понял я, что взял в свои ладони
Незримый мастер дудочку свирели.

И, что ни вечер, стало это пенье
Вливать мне в душу сладостную влагу...
Казалось мне: я вновь в родном селенье
Шагаю, направляясь к Шалбуздагу.

А то казалось: юркий, полный пыла,
Ягнят пасу, боясь – не сплоховать бы.
Свирель меня в луга с косой водила
И уносила танцевать на свадьбы.

Я понимал, что юности дыханье
В грудь не войдет, как входят чувства эти.
Но вдруг то благодатное звучанье
Принес ко мне крылатый райский ветер?

Шел день за днем, и явно неслучайно
Под небом пела дудочка живая.
То весело, то нежно, то печально
Она звучала, сердце задевая.

И всё ж однажды в сумраке незрячем
Не прозвучали трепетные трели.
И, в душу мне плеснув свинцом горячим,
Навек умолк вечерний зов свирели.

Так кто ж он был – кудесник тот, чья нота
Несла меня с собой в чертоги рая?
Не знаю. Он оплакивал кого-то?
Иль тосковал, край детства вспоминая?

Мой взор померкнул, дни мои унылы
И даже сердце морщится от скуки.
Я знаю: никому не хватит силы,
Чтобы вернуть те сладостные звуки.

Но как же вышло, что безвестный мастер
Мне душу оросил в земные сроки
Таким родным, таким небесным счастьем,
Что выросли потом вот эти строки?

8.09.2016

ПАРУС

Опять ты в море виден мне,
Далекий парус… Почему?
В моей осенней тишине
Что ты сулишь мне? Не пойму.

Я не затем на берегу,
Что жажду странствий и хлопот.
Я вечно рваться не могу
К мечте, что сердце разорвет.

Зачем же вновь, белым-бела,
Она там реет, для чего,
Когда слетать уж начала
Листва с ореха моего?

Далекий парус в полумгле,
Куда зовешь ты? В дали сна?
Ведь нету места на земле,
Где в сердце мне вошла б весна!

О, я и сам бы мог, как ты,
Срезая волны, смерть дразня,
Лететь вдоль гибельной черты, –
И все глядели б на меня.

Но сыт по горло я уже,
Вкусив однажды горечь-сласть.
Известен путь моей душе –
Уйти туда, где родилась…

– Эй, ты! – вонзается в мой слух, –
Не лги! В такие паруса
Не ветер дует – вольный дух,
Который бросил небеса!

Жизнь – только здесь!.. Ее-то как
Добудешь в небе? Стань собой
И не кряхти, что ты, чудак,
Сыт вдохновеньем и борьбой!»

18.09.2016

СЕЛЬСКАЯ ДЕВУШКА

(Песня городского парня)

Ты к роднику с кувшином шла
С утра путем росистым –
И вмиг забыл я про дела,
Забыл, что был речистым.
В груди моей горит один
Огонь любви и страсти,
Хоть осушу весь твой кувшин,
То пламя не угаснет.

Назавтра вновь приехал я,
Нарядный и цветущий.
Но ты не смотришь, жизнь моя,
На джип мой дорогущий.
Я пересел на лимузин –
Не повела и бровью
И потащила вдаль кувшин…
Но как же быть с любовью?

И прискакал я на коне,
Не веруя в удачу.
И вдруг ты улыбнулась мне!
Я думал, что заплачу,

Но преподнес тебе букет
И взгляд махачкалинский…
А ты в ответ сказала: «Нет,
Учи язык лезгинский!»

2017

ВНУКУ

Позвать тебя на склоне лет,
Взять на руки… И тут же
В груди зажжется теплый свет,
Как факел, – только лучше.

Ты смотришь ясно и светло,
Доверчиво и смело,
Струя небесное тепло
В мое земное тело.

И вмиг улыбкою одной,
Без всякого усилья
Рождаешь за моей спиной
Невидимые крылья.

Мой внук! Ты тяжесть лет избыл,
Что путь мой отягчала,
Ты снова в жизнь меня влюбил,
Заставил жить сначала.

О, ветка с почками во сне!
Цветок во храме горнем!
Теперь я знаю, кем быть мне –
Твоим надежным корнем!

25.01.2018

***

Настолько ль ты учтив, чтобы природе
Воздать по чести при любой погоде?

Когда шел снег, сказал ты ему честно,
Что он похож на юную невесту?

Сказал дождю, что льются его струи,
Как льется стих, мотивы образуя?

Сказал цветку на летнем косогоре:
«Пока, мой друг. Опять приду я вскоре»?

О, говори деревьям изобилья,
Что ветви их – как ангельские крылья!

О, говори природе оголенной,
Что ты в нее и осенью влюбленный!

Скажи горам: «Вы образец терпенья,
Вы дарите нам неба откровенья!»

И помни о весне. Стань столь же щедрым,
Как и она. Стань теплым вешним ветром!

Когда поймешь, что сердце твое радо
Любому дню, сам скажешь: «Так и надо!»

2018

ПАРА СЛОВ О МЕРДАЛИ ДЖАЛИЛОВЕ

Поэт Джалилов Мердали
Неточных строк не сотворит.
Не отрываясь от земли,
Он высоко всегда парит.

Народа пламенный трибун,
Слова цветные ищет он.
От серебра сердечных струн
Несется в мир волшебный звон.

Однажды темный день пришел,
Людей лишая прежних сил.
Кулак эпохи был тяжел
И многим крылья надломил.

Но не сломался Мердали,
Не сотворил неточных строк!
И дни проклятые ушли,
Как тучи темные, в свой срок.

Горят на кончике пера
То гнева порох, то мольба.

– Служите истинам добра! –
Кричит бесстрашная судьба.

Всегда оседланным стоит
Под абрикосом конь его[25].
Сквозь семь небес он пролетит,
Не убоявшись ничего!

18.05.2018

[25] Во дворе махачкалинского дома М. Джалилова растет большое абрикосовое дерево, под которым он любит работать в летнюю пору, с высоты глядя в дали Каспия.

ГОРА КЕЛЕТ

С плеча крутого твоего, как солнечная птица,
Веселый луч вспорхнул с утра – но я,
открыв глаза,
В грусть погрузился всей душой… Ну, как
могло случиться,
Что не воспел тебя никто, не поднял в небеса?

Шахдаг сияет за тобой. Лицом к лицу с тобою –
Базардюзи и Ярудаг, Гетин и Шалбуздаг[26].
И ты не хуже, чем они! И гордою судьбою
Песнь заслужила о себе… Аллах, да будет так!

Зеленых пастбищ, родников немало,
как обычно,
В твоих угодьях. С высоты летит орлиный крик.
Но есть и то, чем ты одна от здешних гор
отлична –
Бегут скалистые слои сквозь твой высокий лик.

К подножью лепится Келет. Обычное селенье,
Но из Микраха моего мне видится оно

---

[26] *Шахдаг, Базардюзи и Ярудаг, Гетин и Шалбуздаг* – горы в Лезгистане.

Шумливым городом. Здесь люд прославлен
нетерпеньем
И блеском шуток. Так блистать лишь
жемчугу дано.

Гора! Порою над тобой гремят грома сурово
И молний плети хлещут тьму, ярясь наперебой.
Но всё достойно претерпев, ты нам
сияешь снова
И ленты радуги цветной вздымаешь над собой.

Взметнувшись из груди твоей, шатром
над Ярудагом
Взлетит она. Второй конец в Базардюзи упрёт.
«На кладах радуга стоит», – так мнилось
бедолагам
В селе моем… А может быть, знал
истину народ?

Полно достоинств у тебя, их перечел не все я.
Но где ж певцы твои, гора? Неужто дело в том,
Что пиков острых ты себе не завела, старея?
Нет, не из жалости пою я о плече крутом.

Тебе, я знаю, всё равно, ругают иль возносят,
Есть у тебя престиж и честь, а вот бахвальства нет.
Лицо твое приметно там, где гор сияет проседь,
А красоту того лица пусть воспоет поэт.

Друзья-поэты! Пойте песнь без лести и обмана,
Всегда держите высоко достоинство свое.
Немало гор, на чьих плечах спит небо Лезгистана,
Есть среди них Келет-гора. Запомните ее!

16. 07. 2018

***

Скажите, откуда в нас тот
Терпенья запас,
Который величье блюдет
В погибельный час?

Ложь всюду. Ни зги не видать
В позорные дни.
А сердце взывает опять:
– Терпенье храни!

Зло тмится внутри доброты.
Твердыня стыда
Разбита. Пути правоты
Пошли не туда.

Уже небосводу невмочь
Терпеть этот ад:
И тучи гремят день и ночь,
И факелы мчат.

Уже и морская волна,
Устав от мольбы,
Вскипающим гневом полна,
Встает на дыбы.

А всё потому, что они
Терпеть не хотят
Все эти позорные дни
И весь этот ад.

Вновь буря накликала тьму,
Град ломится в дверь…
О, сердце! А ты почему
Всё терпишь теперь?

Но сердце, что знает весь путь
Во мгле толкотни,
Чеканно колотится в грудь:
– Терпенье храни!

2018

ВОПРОСЫ

Не хлещут вопросы,
Как плети,
Сердца нам…
Давно мы не дети.

Все эти «зачем?»
И «доколе?»
Сквозь нас пролетают
Без боли.

Про мир этот
Всё-то мы знаем,
Свой взор в небеса
Устремляем.

Но эти вопросы,
Как сети,
Дышать не дают
Всей планете.

Вся в ранах и шрамах
Планета…
От Бога ли
Участь вот эта?

Не хватит ли
Бога винить нам
В убожестве нашем
Постыдном?

Да разве Тому,
Кто над нами,
Приятно
Нас видеть во сраме?

Увидев, как мы
Всё людское
Сожгли,
Он лишился покоя.

И ныне Он,
Глядя нам в лица,
Планеты Земля
Сторонится…

Виновник
Разрух и увечий –
Бессовестный
Сын человечий!

И как же,
Ответов не зная,
Он жаждет
Всех милостей рая?

2018

ОБЛАКА

Ах, белые наносы
В небесной синеве!
От вас – одни вопросы
В душе и голове.

Исходит зноем солнце
В летящий этот час,
И ветерок несется,
Не тратя лишних фраз.

А вы летите дружно
В небесной тишине…
И ваше простодушье
Передается мне.

Зачем в родном уюте
Летите напоказ?
Желаете, чтоб люди
Сильней любили вас?

А может, нам несете
Немой летящий крик:
«О, люди! Вы живете,
Как мы, один лишь миг,

Не ведая извечно
В родных своих краях,
Куда мы все беспечно
Стремимся второпях.

Горит ли в вашем сердце
Свет нашей чистоты?
Зовет ли оглядеться
Даль нашей высоты?»

У белого наноса
Свой путь и свой резон.
Нет для него вопроса,
Куда стремится он.

Летит без слёз и злобы
В родную благодать…
Небесные сугробы
Не научились лгать.

И сладко им белеться,
И вольно, и легко…
А мне, с летящим сердцем,
До неба далеко.

Но слышу я в полете
Немеркнущий завет:
«Когда с земли пойдете,
То уходите в свет!»

И всё смотрю, как тают
Те, кто в родном тепле
Вслед солнцу улетают
Со светом на челе…

1.05.2019

УЧИТЕЛЬ

Заданье всему классу дал однажды
Родного языка преподаватель:
«Кто жаждет мстить – и мучится от жажды,
Пишите честно, кто ваш неприятель».

Не маленькими были эти дети,
Но честно на бумаге изложили
Свои обиды. Ведь обиды эти
Давно уже сердца их тяготили.

И каждый там открыл бумаге душу,
Забыв об этикете на минутку…
И столько злобы вылилось наружу,
Что был смущен учитель не на шутку.

Присев поближе к детям, он сказал им:
«Для всех обид, я знаю, есть причины.
Но коль сердца горят с таким накалом,
Какие ж камни давят вам на спины!

С тяжелым грузом на вершины знанья
Вовек вам не взойти, поймите это.
Снимите зло с сердец! Для созиданья
Освободите место – и для света.

Не головы одни – для знанья гнезда,
Но и сердца. Беда, коль места нету
В сердцах у вас. Итак, пока не поздно,
Отбросьте зло – и место дайте свету!

Светлы сердца – и путь ваш будет светел,
Вершины – ближе… Больше, больше света!»
Вот так он говорил притихшим детям.
Счастливцы, они слышали всё это!

Учитель для сердец – всему основа.
Таких теперь всё меньше в нашей жизни.
Коль не слыхать учительского слова,
То не на что надеяться Отчизне.

26.10.2019

ГОЛУБЫЕ НЕБЕСА

О, голубые небеса!
Сияет ваша глубина,
Как света вечного краса…
И вечна ваша новизна!

Когда смотрю на вас, опять
Душой впадаю в забытье.
Хочу отчизну я обнять,
Всего себя вложив в нее.

Цветы лугов, седины гор,
Морские волны, ширь пути
Так дополняют ваш простор,
Что слов достойных не найти.

И щедрость рук, и стук сердец,
И душ тепло – всё есть у нас.
Так дайте ж гордость наконец,
Чтоб дух алпанский не угас!

Реки Срединной два крыла
Жестокий век не разорвет!
Хоть буря тучу принесла,
Но не погибнет мой народ!

О, голубые небеса,
Мне крылья дайте поскорей!
Я устремлю свои глаза
В просторы родины моей!

8.02.2020

МОЕМУ ДРУГУ ШАХБАЛЕ ШАХБАЛАЕВУ

(К юбилею поэта)

На юбилей твой, Шахбала,
Теперь не съедутся друзья:
Всех колет вируса игла…
Увы, не буду там и я.

Но что сказать мне от души?
Тебе всего-то шестьдесят.
Еще раз столько положи
В ту торбу, где года хранят!

Шагай по жизни без оков!
Пусть не прижмет тебя нужда,
Пусть пери сладостных стихов
С тобой останется всегда.

Окликни всех друзей своих,
К бокалам полным наклонясь.
А чтоб услышать тосты их –
Сходи, послушай Кулан-вац[27].

[27] *Кулан-вац* – Срединная река, т.е. река Самур.

Там из стремительных глубин
Взлетит к тебе сердечный стук –
И шестьдесят твоих морщин
В тот миг разгладятся, мой друг.

Подует майский ветерок
От шалбуздаговских высот –
И в грудь, горячую от строк,
Весна цветущая войдет.

А там и ласточки влетят,
И соловьи. Затем орлам
Придет черед… Опешит взгляд
От поздравлений-телеграмм.

Эгей, поэт! Ведь я не вру:
Не отсидишься на траве,
Коль все собратья по перу
Придут с Эмином во главе!

16 мая 2020 года

ОСКОЛОК ШАЛБУЗДАГА

Шалбуз-гора, я молод был,
И там, где прежде не был,
Кусочек камня отломил –
Тот, что граничил с небом.

Осколок красный положив
Себе в карман украдкой,
Пошел вперед меж гор и нив
По жизни горько-сладкой.

С тех пор, куда бы века новь
Меня ни увлекала,
Тот мрамор красный, словно кровь,
Хранил мои начала:

То облегчал, как амулет,
Путь по любой теснине,
То жег меня сквозь толщу лет
Упреками в гордыне.

Вот и теперь, когда в снегу
Виски – и голос колок,
Как честь свою, я берегу
Тот мраморный осколок.

Осталась тяга к чудесам
В душе моей доселе,
Но ныне я уже не сам
Лихие ставлю цели.

Трехлетний внук мой, – плоть и кровь,
Перо от крыльев деда, –
Вдруг унаследовал любовь
К святыне амулета.

Берет в ладонь – и просто так
Вверх тянет красный камень.
– Что это, джан? – Мой Шалбуздаг! –
И светится, как пламень.

Когда на улицу идет
Души моей зеница,
В карман тот камушек кладет,
И с ним же спать ложится.

Нет, не погибли семена,
Не сгинула отвага!
Взрастают горцев племена
Из камня Шалбуздага!

7.01.2020

***

То день, то ночь. Вблизи, вдали
Бродил я в этой жизни.
Был для небес и для земли
Своим в своей Отчизне.

Лишений, болей и тревог
Преодолел я гору.
Но свет в груди оставить смог,
Как тайную опору.

Гляжу на всё, что впереди,
Открыто и с отрадой.
Блажен, кто свет несет в груди
Немеркнущей лампадой!

16.04.22

ФЕВРАЛЬ

Число «одиннадцать» опять
Пришло в свой час февральский –
Со снегом, жаждущим обнять,
С морозной пылью райской.

И говорит: «Ну, как тебе
Мои приходы, друже?
Что изменил в своей судьбе?
Стал лучше, или хуже?»

Ну, что сказать… Как видишь – цел.
В крутых метелях века
И счастье я сберечь сумел,
И веру в человека.

С мечтой о зелени полей
Порою просыпаюсь,
Но… снова жажду февралей,
Чья жизнь – февраль без пауз.

11.02.2023

ЗАЧЕМ ПОЭТОМ БЫТЬ?

К чему он, дар высокий,
Что миром смят бездушно, –
Сердечный стон глубокий,
Рассудок одинокий, –
Кому всё это нужно?

Сегодня пишет каждый,
Назвав себя поэтом, –
Глупец, безумец важный
И себялюбец страшный, –
Язык срамя при этом.

Как сочинять берется
Душа, что не готова
Узнать, что буква жжется,
Что разный цвет кладется
Во все оттенки слова?

Иль те, что страсть имеют
Кидать повсюду сажу,
До красоты дозреют
И в некий миг сумеют
Отверзнуть душу нашу?

Ах, жизнь отнять у слова
Им по плечу, нет спора.
И в трёпе дня пустого
Они достигнут снова
И выси, и простора.

К чему же дар поэта,
Когда земная бездарь
Совсем свела со света
Поэзию? Раздета,
Она висит над бездной!

Все асы-виртуозы
Отшельниками стали:
Забыв мечты и грёзы,
Сидят и точат слезы
Во тьме своей печали.

Глаз видящих не видно,
Ушей отверстых нету…
Когда сердцам не стыдно
И Слово беззащитно –
Как быть тебе, поэту?

Брось свои книги в пламя!
Перо с бумагой выкинь!
Талант упрятав в яме,
Сиди, блестя глазами,
Глухой и безъязыкий.

Вдруг ветерок повеет?
И вдруг предстанет взору,
Что горизонт яснеет,
А мир глупцов умнеет,
Ударившись об гору?

20. 12. 2024

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

***

– Ты полон дум и творческих полетов,
Так отчего ж грустишь в густом тумане?
– Услышав вирши новых стихоплетов,
Все соловьи подохли в Лезгистане.

2010

***

Виски белеют, меркнет глаз,
Слабеют наши спины…
Да не увянет память в нас
О том, что мы – лезгины!

2013

***

– Дома и земли, деньги, власть
Ты взял в краю родимом…
– А воздух? Может он пропасть,
Коль будет не моим он!

2014

***

Когда отдашь ты, что в душе хранилось,
Она пойдет дорогою незримой,
Беспомощным оказывая милость, –
И превратится в клад неистощимый.

2014

***

Кто правду утвердит? Скажи мне, вечность!
Взаправду ль есть такие пахливаны[28]?
Взгляни на тех, что топчут человечность –
У них рога! Они тучны и рьяны!

2014

***

Дворец ли пышный, храм ли? Сколько в нем
Сокрыто, чтоб душа наша не слепла!
Вот только угль, пылающий огнем,
Тут остывает, доходя до пепла.

2014

---

[28] *Пахливаны* – богатыри, силачи.

***

Пусть сыплет снова каждый гад
Мне соль на раны – я не злюсь.
От всех обид, от всех досад
Нашел я снадобье – намус[29].

18.10.2019

[29] *Намус* – триединство: честь, совесть, достоинство.

СЦЕПКИ

Двустишья плоть вкусна, как плод: и чувство есть, и мысль.
Еще есть косточка внутри. Разбей –
и насладись!

***

Приму всё как есть. Дифирамбов не пойте.
Хотя бы на солнечном склоне заройте!

***

Цветам весны не нужно слов цветистых:
Безмолвно зри на буйство красок чистых!

***

Спрошу свое сердце – и слышу с тоской:
– Ну, как же мне быть с твоей бедной башкой?

***

Когда куст розы высох, заплакал соловей:
– Не мастер я! Нет власти у песенки моей!

***

Жизнь прошумевшая – вино! Когда-нибудь
Ответ держать придется нам за шаткий путь.

***

Неправда у Правды стащила бешмет.
Гола нынче Правда – и равных ей нет!

***

Украли воры мою обувь в доме Бога,
Но в кабаке ее нашел я, у порога.

***

Хоть тянет тебя к трассе и машине,
Но лишь тропинка выведет к вершине.

***

Страну, что уценила дар поэта,
Саму уценят вскорости за это.

***

У соловья спроси, сияет ли весна.
У нищего узнай, достойна ли страна.

***

И должность, и деньги, и слава – всё муть.
А корочка хлеба спасет как-нибудь.

***

Что главное, Власть, в твоей сути паршивой?
Трясущийся хвост? Иль затылок спесивый?

***

Что мне сказал чертополох в пустыне?
«Родной земле я верен, как святыне!»

***

Коль саблей не станешь, чья честь дорога,
Телегою станешь, сынок, для врага.

***

Кто никогда не плакал в мире грустном,
Пусть не хохочет, – хохот будет тусклым.

***

Пелёнки вначале и саван в конце…
А дальше? Что слышно об этом жильце?

***

Старик, не подавший примера в свой срок,
Начнет раздавать молодежи упрек.

***

Заменим чиновников на чучела –
И сразу наладятся наши дела!

***

Не встанешь за родину? Что ж, дурачок,
Судьба твоя – шею сгибать, как крючок.

***

Лампада угасла – рассеялся свет в темноте.
Угас человек – затерялась душа в пустоте.

***

Когда стихи изящные звучат,
Все истины привычные – горчат.

***

Июльской ночью глядя ввысь,
не мог я насмотреться…
А остальной огромный мир открыл
я в своем сердце.

***

Да, мы – кувшины, это так. Ну, в точку прямо.
Еще бы в каждого налить вино Хайяма!..

***

Не всё ль равно, осел иль конь повозку тянет!
Душа пряма? Путь будет прям – и не обманет.

***

Речи – бред, дела – дерьмо… Ах,
чиновник бравый,
Есть ли кто еще другой, столь же
величавый?

***

«Сохрани свой язык!» – на чужом языке
нам кричат
Громогласные клоуны… Видно,
опять маскарад.

***

Хотя государство задешево нас продает,
Мы Родину не продадим. Вот такой мы народ.

***

Шайтан и ангел повстречались… Не секрет:
Родился баловень – всемирный Интернет.

***

Похож на рай Самурский лес… Как злится ад!
Как дети адовы убить тот лес хотят!

***

Трудяга-пчела умирает, ужалив лишь раз…
Скажи нам, Создатель: неужто она
грешней нас?

***

Яйцо иль курицу сперва увидел свет?
В гнезде торчали оба – вот ответ.

***

Эгей, безумец, поскорей бери перо!
Коль ты поэт, в нем твои правда и добро.

***

Что Музе шепчет Шахбала, вздыхая
и кряхтя?
Он шепчет ей: «Я запишу... Лишь
продиктуй, дитя».

***

Пройдя сад жизни, дай другим вкусить
земную явь:
Оставь плоды там на ветвях и
соловьев оставь.

***

На красавице юной женился, старик?
Будешь пьян
От улыбки ее… каждый день, пока
плачет карман.

***

Ну, какая ж ты власть, если ночи и
дни напролет
Не трубит о тебе даже самый пустой
рифмоплет?

***

По жизни шагай, избегая беспутных затей.
Свернут тебе челюсть, коль станешь
ходить без путей.

***

С коня упадешь ты – жалеющих
будет немало,
С осла упадешь ты – все скажут,
что тряпка упала.

***

Спать не могу на склоне лет, жизнь
повидав воочью:
Боюсь всё ту же гору лжи во сне
увидеть ночью!

***

Об гору шмякнувшись балдой,
Не будешь больше тамадой.

2018 – 2023

ЧЕРЕП

Легенда

Жил хан когда-то, говорят.
Был туг его карман,
Но он считал, что небогат, –
Был ненасытным хан.

Окрестный край завоевав,
Он грабил всех не раз.
Имел жестокий, хищный нрав
И пару алчных глаз.

И вот однажды слух примчал,
Сводя его с ума:
Пещера есть, в пещере – зал,
А в нем – сокровищ тьма.

Простого званья человек,
Собравший этот клад,
Был щедр – и в свой далекий век
Известен, говорят.

Но звался как и кем он был,
Уже забыл народ,
Который честь родных могил,
Увы, не бережет.

И хан рабам приказ отдал
Сурово, как всегда:
«Скорей найдите этот зал!
Везите клад сюда!

Тому, кто всё отыщет там,
Дам золота сполна –
Сколь весит сам... Вдобавок дам
Кинжал и скакуна.

Недели хватит вам, рабам.
Не вздумайте тянуть,
Иль не сносить голов ни вам,
Ни семьям вашим. В путь!»

И в путь отправились рабы.
Но им не дался клад.
Кляня жестокий нрав судьбы,
Из гор пришли назад.

И отыскали смерть свою
Роды земные их...
И кликнул деспот в том краю
Джигитов молодых.

И те, проворны и крепки,
Искали клад, – пока
Не погибали от руки
Бездушного князька.

Так цвет народа истлевал
В тот злополучный год.
Но воле хана не желал
Противиться народ.

Отвага с мужеством навек
Ушли из древних гор...
И всё ж нашелся человек,
Отринувший позор.

У Шалбуздага на груди
Он жил в пустом селе,
И лишь могила впереди
Ждала его во мгле.

Но в горький час, когда сердца
Пресытились тоской,
Душа седого мудреца
Утратила покой.

Он знал секретные ходы
В глуши родимых мест,
Легко читал людей следы
И письмена небес.

И, встав пред ханом, он сказал:
«Я знаю, где тот клад.
Я покажу чудесный зал,
О, хан! Ты будешь рад».

Скривился деспот: «Нищеброд,
Ты при смерти уже!
Не одолеть такой поход
Изношенной душе».

«Да, у небес лежит в горсти
Мой дух – и часа ждет.
О, хан, тебе еще идти
До снежных тех высот.

Но не пойду я в горы сам.
Джигитов дай, – таких,
Чтоб свято верили словам
Из слабых уст моих.

Я расскажу про дикий край,
Про неприметный путь...
А ты коней скорей седлай
И вьюки не забудь.

Зал золотой от глаз сокрыт
Внутри горы Алпан.
И лишь душа моя хранит
Пути надежный план.

Я был юнцом – и в тайну гор
Нечаянно проник,
Но не забыл и до сих пор,
Как отыскал тайник.

На древней кручи высоту
Поднявшись, думал я
Про бесконечную тщету
Земного бытия.

Здесь властелина – властелин
Теснит... И что с того?
Уступы гор и ширь равнин
Не помнят никого.

Но тут мне в голову пришли
Сказанья древних лет
О незабвенном Шарвили...
Он вправду был – иль нет?

Из тьмы веков дошло до нас
Преданье: бос и гол,
Раздав добро, в свой смертный час
К Алпану он ушел.

И отыскать я захотел
Тот камень, или куст,
Где вздох последний отлетел
От незабвенных уст.

И выше я решил идти
Без карты и дорог...
О, сколько я блуждал в пути!
Чего не превозмог!

И, наконец, в седом краю
С мечтою на челе
Пришел, увидев цель свою,
К разрубленной скале –

К той глыбе, что хранила жар
Замаха сгоряча,
К той, что попала под удар
Геройского меча.

Я подошел, скрывая страх,
К подножию высот.
И тут заметил щель в камнях,
Как будто в гору вход.

Он вел во мглу, или в провал.
А рядом, напоказ,
Торчал валун – и щель скрывал
От любопытных глаз.

Я, трепеща, во мглу пошел,
Под свод пролез ползком...
О, чудо! Там был гладкий пол
И стены с потолком!

Трут и кремень – мои друзья
Явились из сумы.
Кремнем о стену чиркнул я,
Зал выхватив из тьмы.

Лучинку тонкую достал,
Услышав сердце вдруг:
На всю округу грохотал
Его громовый стук.

Лучина вспыхнула – и зал
Лучами засверкал...
О, сколько золота скрывал
Огромный этот зал!

Коснулось что-то ног моих.
Я вскрикнул – череп! Он
Иссохший слепок черт людских
Нёс из былых времен.

Чернели дыры вместо глаз,
Пугая и маня.
Но свет, который всё не гас,
Оберегал меня.

Я поднял свиток из-под ног
Пергаментный... На нем
Алпанских слов старинный слог
Глаза мне жёг огнем:

«Я, Шарвили – хозяин слов,
Читаемых тобой.
Они – завет земле отцов,
Что нам дана судьбой.

А этот клад ты потрудись
Не тратить второпях.
Я собирал его всю жизнь
На праведных путях.

Ни у кого не отобрал
Богатств, лежащих здесь...
Зачем сложил их в этот зал?
Чтоб до людей донесть!

Чтоб мой народ не знал нужды
В грядущие года,
Чтоб дух его не знал узды
Нигде и никогда!

Пусть к ним никто не тянет рук.
Ведь, что ни говори,
Они – ничьи... И ты, мой друг,
За этим присмотри.

И клад заветный передай
Тому лишь из владык,
Кто справедлив – и отчий край
Тиранить не привык.

Но коль земной алчбы порок
Не будет чужд ему –
Взяв череп, преподай урок
Правителю тому.

Был череп этот головой
Корыстного царя.
Мне дервиш дал его слепой,
За грош благодаря...»

Алпанских слов старинный лад
Мне в душу тёк, как мед.
Конец гласил: «Нашедший клад
Пусть череп заберет».

Я помню тайну древних гор,
Слова держу в уме.
А белый череп с этих пор
Храню в своей суме...»

Хан глянул косо: «Сколько грез
У нищего в душе!
Как много слов ты произнес!
Я в ярости уже!

Где Шарвили? Какой Алпан?
Всё наболтал ты мне!
Богатства в зале... Ты, болван,
Увидел их во сне!»

«Мне не присуща лживость, хан.
Всё было точно так.
Был Шарвили. Гора Алпан –
Наш древний Шалбуздаг».

И всё ж не верил ханский взгляд
Бесхитростным словам.
«А отчего ты этот клад
Не прикарманил сам?»

«О, хан, со скудостью вдвоем
Живем мы много лет.
В душе моей, в уме моем
К богатству тяги нет.

Калечит злато испокон
Нам душу, портит ум.
Спокойный дух и крепкий сон
Теряет толстосум».

Смиренный выслушав ответ,
Хан ухмыльнулся: «Так,
Но почему же ты завет
Не выполнил, бедняк?

Коль должен быть чудесный зал
В достойнейших руках,
То почему о нем не знал
Высокочтимый шах?»

«О, хан, про жизнь владык земных
Всё ясно старику...
Я справедливых среди них
Не видел на веку.

Когда земная власть летит
В их руки – в тот же миг
Теряет совесть, честь и стыд
Любой из тех владык.

Богаче станет – нрав лютей:
Природе вопреки,
Во рту кривые, без костей,
Змеятся языки[30].

Торгуя истиной вразвес,
Не зная цену ей,
Нос задирает до небес
В убогости своей.

И топчет дух высокий свой,
И верит только в плоть,
Стремясь на бедности людской
Муку себе смолоть...

---

[30] *«Во рту кривые, без костей змеятся языки...»* – в буквальном переводе с лезгинского: «во рту появляется несколько языков». Этот идиоматический оборот означает, что человек не держит своего слова, говорит то одно, то другое, потом еще что-то, отличающееся от первых слов.

Ну, мог ли я сказать про зал,
Про чудный этот клад
Тем, кто на алчность променял
Души священный лад?»

Хан улыбнулся: «Речь твоя
Приятна. Ты – мой гость...
Приличней всех, выходит – я?
Решение нашлось!

Так подскажи рабам моим:
Как ехать прямиком
До места? Ведь негоже им
Идти туда пешком.

Чтоб одолеть любой подъем
Без лишней маеты,
Я дам коней – им нипочем
Все горные хребты.

Ну, а тебе не по годам
Опасные пути.
Ты нарисуй лишь карту нам,
Рукою начерти!»

Но старец молвил: «Я в долгу
У неба и земли,
И не исполнить не могу
Завета Шарвили.

Сначала череп даст урок
Тебе, сначала ты
Узнаешь тайну древних строк,
Уйдя от слепоты...»

И алчный лик без глаз и губ,
Посланник вечной тьмы,
Изъеден молью, сух, беззуб,
Явился из сумы.

Его глазниц пустая жуть
Молчала до поры,
Но было страшно заглянуть
В две черные дыры...

Мудрец продолжил: «Старшинство –
За истиной. Вели
Весы поставить. Таково
Условье Шарвили.

Уже несут? Отлично! Ну,
Начнем же поскорей.
Тут есть две чаши – на одну
Кладу я череп сей.

А на другую – прямо здесь
Кинь золота с лихвой.
Две чаши, хан, уравновесь –
И ключ от зала твой!

Но уговор: твоя казна
Из чаши той пойдёт
На то, чтоб славить имена
Погибших за народ».

А хану, потному насквозь,
Дух алчный грыз кишки.
«Ну, что там весит эта кость, –
Он думал, – пустяки!

А вдруг и впрямь весь этот бред
Угоден небесам?»
И тут же пригоршню монет
Насыпал в чашу сам.

Но то ли малой дань была,
То ль череп был тяжел, –
Но чаша хана вверх пошла,
А череп вниз пошел.

Хан повелел весы сменить,
Побольше подыскать.
Но чашу злата опустить
Не удалось опять.

Взбешенный деспот крикнул: «Нет,
Не может быть того!
Скажи, бродяга: в чем секрет?
Ведь это ж волшебство!»

Но помрачневший старикан,
Качая головой,
Промолвил: «Это значит, хан,
Что древний клад – не твой!

Немудрено. Ведь ты – злодей.
В земле моих отцов
Ты плоть живую рвешь с людей,
Как коршун с мертвецов.

И хоть до неба вознеслись
Твои мечтанья, ты –
Всего лишь череп, зрящий вниз
С неверной высоты.

Но чтоб о жизни и судьбе
Задуматься ты смог,
Старинный череп даст тебе
Еще один урок...»

Умолк, стыдясь рабов своих,
Жестокий сумасброд.
Ужель теперь в глазах людских
Его презренье ждет?

Меж тем земли нагрёб старик –
И черепу без слов
Набил землею в тот же миг
Глазницы до краёв.

«Гляди же, хан, и не дрожи, –
Сказал он, – в этом суть.
Клади опять свои гроши,
Но положи чуть-чуть».

Монетка звякнула. Привстав,
Правитель побледнел:
Монетка вниз пошла стремглав,
А череп вверх взлетел.

И деспот в ужасе вскричал,
Опомнясь, наконец:
«Теперь он снова легким стал!
Но почему, мудрец?»

«О, хан! Коль в сердце попран стыд,
То Божьему рабу
Лишь прах могильный утолит
Несытую алчбу.

Она ползет сквозь жадный рот
И в плоть, и в кости... Ведь,
Пока он в землю не сойдет,
Всё будет вожделеть.

И потому любой из нас
Обязан, честь любя,
Смирять безумство алчных глаз,
Обуздывать себя.

А тот, кто злых желаний зов
Стыдливо не уймёт,
Пускай покинет отчий кров
И странствовать идёт.

Пусть корку черствую жуёт,
Лишь рубищем покрыт.
Пусть нищим дервишем живёт,
Но совесть сохранит.

О, хан! Когда любой пойдёт
К стяжанию в полон –
Как сохранит свой дух народ,
Свободный испокон?

Как будет жить? Ответ дают
Заветы Шарвили:
Разбогатевшего спасут
Две горсточки земли.

Пускай помажет он глаза
Себе землей живой –
И просветлеют небеса
Над гордой головой.

Богатства нас не утолят,
А небеса щедры.
Приносят в душу свет и лад
Небесные дары...»

Умолкнул старец – и в простор
Ушел, как свет во тьму.
Унес с собою тайну гор
И с черепом суму.

Где бродит он, в каком краю
Звучат его слова,
Куда несет суму свою, –
Не говорит молва.

Зато о хане слух большой:
Он, получив урок,
Стал суфием[31] в стране чужой
И сан его высок...

[31] *Суфий* – последователь одного из направлений суфизма, эзотерического течения в исламе, проповедующего аскетизм и подвижничество.

Преданье это я слыхал
В горах моей земли.
Оно чудесно, словно зал
С дарами Шарвили.

Но тот, кто целый мир живой
В рот затолкать готов,
Пускай пропустит норов свой
Сквозь сито этих слов.

Пусть помнит он, что в некий миг,
В какой-то день и год
К нему придет седой старик
И череп принесет.

2014

СОДЕРЖАНИЕ

Молитва…. 3
Закат в пустыне. 5
Эй, вы…. 6
Новогодний тост… 8
Мальчик у окна 11
Ночное небо…. 14
«Сквозь мрак ночной, сквозь сон, сквозь боль…» .. 15
«Снег будет сыпать за окном…». 16
«Как панцирь, кожа. Дни мои…» … 17
Маковый луг..... 29
«Устройство мира нехитро…» 20
«Простерлась трасса впереди…» 21
Зима в Курахе…. 22
«Сад облетел. Из-за стволов…». 23
«В Испик ты воротился…» 24
«Сколь правы те восточные поэты…» 26
Мальчишка, читающий вслух..... 38
Моему другу А. Мирзабекову в день его юбилея. .. 30
Терпи, коза… 32
Низами 34
«Когда Творец язык давал лезгинам…» 35
Чудесный сон… 36
«Полжизни я порастерял, как сон неясный…» 42
Рассвет 44
Пояснения к бессмыслице..... 45
Микрах..... 47
Пушкари 52
«Эпохи этой ложь и грязь…» 55

«В усталом теле без корней…» 56
«Любовных строк неистовую стаю…» 57
Поэт..... 68
«О, стихи, стихи! Вы простите мне…»..... 60
«О, как прекрасен отчий край Кемер
Микрахской!..» 62
«Какое счастье, если в море лет…» 64
«Подруга-осень! Твой приход…» 65
Лимонное дерево 66
«В людские глаза не желаю глядеть я…»..... 68
Яран сувар 69
Свирель..... 71
Парус..... 73
Сельская девушка. 75
Внуку. 77
«Настолько ль ты учтив, чтобы природе…» 78
Пара слов о Мердали Джалилове 80
Гора Келет 82
«Скажите, откуда в нас тот…» 85
Вопросы..... 87
Облака..... 90
Учитель..... 93
Голубые небеса 95
Моему другу Шахбале Шахбалаеву..... 97
Осколок Шалбуздага 99
«То день, то ночь. Вблизи, вдали…» 101
Февраль..... 102
Зачем поэтом быть? 103
Четверостишия..... 106
Сцепки 109
Череп *(Легенда)* 120

Арбен Кардаш
(Арбен Мехединович Кардашов)

ОСКОЛОК ШАЛБУЗДАГА
Стихи и легенда

Редактор Л. Гусейнова
Корректор Л. Исрафилова
Верстка А. Велиев

Подписано в печать 22.07.2026.
Формат 60x84 $^{1}/_{36}$. Гарнитура Times.
Усл.п.л. 4,42. Бумага офс. №1.
Тираж 2000 экз.

Издательство ООО «Мавел»
Махачкала, ул.О.Кошевого, 42а
E-mail: dagmavel@mail.ru

Арбен Кардаш (Кардашов Арбен Мехединович) – лезгинский поэт, прозаик, литературовед, драматург и переводчик.

Родился 11 февраля 1961 г. в высокогорном селе Микрах, что на юге Дагестана. Окончил Литературный институт им. М. А. Горького. Служил в Рядах Советской Армии. Был принят в Союз писателей СССР по рекомендации известного советского поэта Льва Ошанина. Ныне член Союза писателей России. Автор более двадцати книг и четырёх пьес, две из которых поставлены на сцене Лезгинского государственного музыкально-драматического театра им. С. Стальского. Народный поэт Дагестана, заслуженный деятель искусств РД. Лауреат Государственной премии РД, премий «Олимп» демократической молодежи Дагестана (премия бывшего Ленинского комсомола Дагестана), «Шарвили», учреждённой лезгинской общественностью и «Золотой орёл» Союза журналистов Дагестана.

Произведения писателя переведены на немецкий, арабский, монгольский, таджикский, азербайджанский, татарский, башкирский и другие языки.

Творчество писателя изучается в школах, колледжах и высших учебных заведениях Дагестана.

Живёт в Махачкале.